

Се Жуйго было совершенно плевать, что гости смотрят на это как на представление. Он уже давно не считал этого уroda и извращенца своим сыном.

У него на стороне подрастали еще двое младших детей, так что сегодня подвернулся отличный, законный повод прилюдно отречься от Се Чжэньлиня. Так он и моральное превосходство сохранял, и действовал по уважительной причине. Ему до смерти осточертело давление со стороны семьи жены, а теперь он убивал сразу трех зайцев одним выстрелом.

Се Чжэньлинь обладал невероятной силой. словно разъяренный зверь, он вырвался из рук охранников и взревел:

— Се Жуйго, немедленно отдай мне историю болезни моей матери и записи с камер, блядь!

— Почему с одиннадцатого числа на её сообщения отвечал ты?! Почему ты брал её телефон?! Что ты ей наговорил?! Почему мы с ней нормально общались, а когда я вернулся в страну, она уже лежала в больнице?!

— Какое право ты имел не пускать меня к ней?! Почему ты всё скрыл и никому не сказал, что она больна?! И где ваш семейный врач?! А ну, выдай его сюда, блядь, иначе я вызову полицию!

У Цзэн Ни всегда было слабое здоровье, и она часто болела. Но Се Чжэньлинь всё равно не мог поверить, что мать, с которой он уже обо всём договорился, вот так жестоко его бросила.

Его мама была самой мягкосердечной на свете, она всегда держала слово. И пусть поначалу она не могла его понять и поддержать, пусть они плакали, ругались и скандалили, в конце концов её сердце всё равно дрогнуло.

За спиной Се Жуйго стояли гости — сливки общества всего Хайши. А Се Чжэньлинь напоминал загнанного в угол, всеми покинутого зверя.

— И еще — завещание моей мамы и её последние слова! Ты мне их выдашь, от первого до последнего слова, вместе со всеми знаками препинания!

Столкнувшись с таким открытым вызовом своему авторитету, Се Жуйго пришел в ярость.

— Ты, неблагодарный ублюдок, еще смеешь открывать рот?! Твоя мать узнала, какими грязными делишками ты занимаешься за границей. Ей перехватило дыхание, и она слегла в реанимацию!

Се Жуйго не позволил Цзэн Ни увидеться с отвергнутым сыном, который выставил его на посмешище. Он не допустил, чтобы она от имени семьи Се продемонстрировала хоть каплю мягкости.

Цзэн Ни была слаба. Под гнетом его ярости, постоянного контроля и запретов она попала в больницу. Чтобы семья Цзэн не задавала лишних вопросов, и чтобы не портить праздники

плохими приметами, Се Жуйго строго засекретил любую информацию о её состоянии.

— Что ты тут строишь из себя примерного сына?! Когда ты позорился за границей, ты думал о матери? А?! Думал, что о ней скажут люди?! Твоя мать не оставила тебе никаких последних слов.

Се Жуйго всю жизнь варился в жестоком мире бизнеса и прекрасно знал, как ударить в самое болезненное место. Он скрыл тот факт, что Цзэн Ни завещала всё свое огромное состояние любимому сыну, и, чеканя каждое слово, вынес приговор:

— Твоя мать сказала, что больше всего в жизни жалеет, что родила и любила тебя. Она сказала, что в следующей жизни не хочет быть твоей матерью.

Се Чжэньлинь побледнел. Он окончательно сломался. Из его груди вырвался низкий, невыносимый скулеж, и, словно загнанный зверь, он бросился вперед:

— Не может быть... Ты лжешь!

Се Жуйго, в котором смешались страх и гнев, с силой пнул его. Затем он схватил жаровню для сжигания ритуальных денег и плеснул горящими углями прямо в сына...

— А-Линь! — Тань Юмин молниеносно бросился вперед и оттолкнул его. Угли полыхали жарким синим пламенем, похожим на змеиные языки. Попади они на кожу — сожгли бы до мяса.

Не разобрав, кто перед ним, Се Жуйго замахнулся щипцами для угля, намереваясь ударить снова, но Тань Юмин решительно заслонил Се Чжэньлиня собой.

В ту же секунду чья-то рука намертво перехватила запястье Се Жуйго и с силой вывернула его. Пронзила резкая боль. Он уже собирался разразиться проклятиями, но, присмотревшись, увидел перед собой Шэнь Цзунняня. Его лицо было мрачнее, чем у призрака из преисподней.

Стиснув зубы от боли, Се Жуйго процедил:

— Что, господин Шэнь собирается лезть не в свое дело, пока семья Се наводит порядок в собственных рядах?

Шэнь Цзуннянь пропустил его слова мимо ушей и не проронил ни звука. Он просто встал рядом с Тань Юмином с ледяным лицом человека, готового выполнить любой приказ.

Тань Юмин, сдерживая гнев, холодно произнес:

— Господин Се, когда собираетесь кого-то проучить, выбирайте время и место. Сегодняшнее событие касается не только семьи Се, и здесь присутствуют не только члены вашей семьи.

Он обнял Се Чжэньлиня за плечи, заставляя его успокоиться:

— Давай, А-Линь. Сначала попрощайся с матушкой как следует. Посмотри на неё еще раз.

Се Чжэньлинь казался лишенным души. Тань Юмину пришлось поддерживать его за спину. Он тихо заговорил ему на ухо:

— Позволь матушке уйти с миром. Не пропусти правильное время для проводов.

По лицу Се Чжэньлиня текли слезы. Он послушно зажег фонари у гроба, возложил цветы и провел ритуал прощания, с опозданием исполняя свой последний сыновний долг.

Се Жуйго несколько раз порывался приказать охране вышвырнуть его вон. Но Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь стояли по бокам, словно скалы, и никто не осмелился к ним приблизиться.

Гроб заколотили, перенесли через огонь. Образ Цзэн Ни постепенно исчез. Гости расходились. Зал опустел. Остался лишь потерявший мать Се Чжэньлинь. С покрасневшими глазами он закрыл лицо руками и горько рыдал.

Тань Юмину было больно слушать его плач. Он положил руку ему на спину, желая утешить, но не нашел подходящих слов. Ему оставалось лишь обнимать его за плечи и легонько похлопывать.

Се Чжэньлинь плакал так долго, что Тань Юмин испугался, как бы тот не упал в обморок.

— А-Линь, выпьешь воды?

Но Се Чжэньлинь словно не слышал. Он лишь бессвязно бормотал:

— Это я убил маму... Брат, у меня больше нет мамы.

В этот момент Тань Юмин возненавидел те жестокие слова, которыми Се Жуйго добил сына. Нахмурившись, он твердо произнес:

— Нет. Тётушка любила тебя больше всего на свете. Она бы ни за что не стала тебя винить. Если ты действительно поверишь в эту чушь, вот тогда она по-настоящему расстроится.

— Но если бы я не поехал за границу расписываться, ей бы не стало хуже. У неё и так было слабое здоровье...

На это Тань Юмину ответить было нечего. Любовь, родительская забота, сыновний долг, причины и следствия — он никогда не сталкивался с подобным в собственной жизни, и в его душе царил полная растерянность.

Солнце клонилось к закату. В зале осталось лишь несколько рабочих, убирающих мусор. А за оградой вдалеке маячил одинокий силуэт.

Тань Юмин слегка опешил. Он попросил Шэнь Цзунняна присмотреть за Се Чжэньлинем, а сам поднялся и подошел к ограде.

— Фан Суй?

Глаза Фан Суя покраснели. В нем больше не было той привычной холодной отстраненности и гордости. Стоя за забором, он тихо спросил:

— Господин Тань, как он?

Тань Юмину оставалось лишь сказать:

— По крайней мере, он успел увидеться с тётушкой в последний раз.

Фан Суй смотрел на него с мольбой. Тань Юмин предложил:

— Хочешь посмотреть на него? Я проведу тебя.

Фан Суй с горькой улыбкой покачал головой:

— Он не захочет меня видеть.

Если бы они не поехали за границу регистрировать брак, ничего этого бы не случилось.

Еще до Нового года семья Се начала жестко на них давить. Они отменили несколько крупных показов Фан Суя, заставляли его ходить на светские ужины и пить с клиентами. Кто-то даже пытался до него домогаться. В то же время они организовывали для Се Чжэньлиня свидания вслепую. Фан Суй жил в постоянном страхе. Он заболел и сильно похудел.

Чтобы успокоить его, Се Чжэньлинь крепко прижал его руку к своей груди и сказал:

— Я никуда не уйду. Не волнуйся. Давай поедem и распишемся. Когда мы поженимся, они от меня отстанут. Не бойся.

Тань Юмину хотелось выпалить, что это не его вина. Но он и сам не знал, чья это была вина.

Се Чжэньлинь и Фан Суй были слишком молоды. Этот остров был лишь феодальной крепостью, прикрытой красивой оболочкой цивилизации и открытости. Даже при таком статусе, как у Чжао Шэнгэ, его возлюбленный всё равно оставался лишь «тайным другом» в слухах.

Фан Суй достал банковскую карту:

— Господин Тань, не могли бы вы передать это ему?

Полгода назад Цзэн Ни приходила к нему. Она не угрожала, не давила и не предлагала сделок. Она лишь с грустью умоляла:

— Ребята, может, вы передумаете? Пожалуйста. Семья Се действительно не оставит вас в покое. А-Линя выгнали из дома, они перекрыли ему все пути. Ты тоже остался без работы. Вы думали о будущем? Вы ведь двое молодых парней...

Фан Сую было тяжело, но он упрямо ответил:

— Тётушка, простите. Я правда люблю Се Чжэньлиня, и он любит меня. Я не могу сдаться первым.

С самого детства он рос без родителей. На нем были младшие брат и сестра. И только Се Чжэньлинь готовил ему еду глубокой ночью, когда он возвращался после трех подработок. Только Се Чжэньлинь ночи напролет сидел у его постели, обнимая и ухаживая за ним, когда тот слег с высокой температурой от переутомления. Он ждал его после каждого кастинга и показа. Его было просто не прогнать...

Цзэн Ни была бессильна и глубоко опечалена. Перед уходом она отдала ему эту карту и подавленно произнесла:

— Я даю это не для того, чтобы ты взял деньги и бросил моего сына. Это для вас двоих. Пока вы в таком положении... пользуйтесь. Но это не значит, что я считаю ваш выбор правильным. Это не значит, что я вас поддерживаю. Я всё равно не могу этого принять.

Фан Суй растерялся и хотел отказаться:

— Тогда почему вы сами не отдадите это А-Линю?

Цзэн Ни вспомнила, как пару дней назад жутко разругалась с сыном. Она лишь тяжело вздохнула и, ничего не ответив, ушла.

Вернувшись, Фан Суй отдал карту Се Чжэньлиню. Тот со смехом сказал: «Раз она дала её тебе, то и оставь у себя». В итоге ни один из них так и не осмелился потратить с неё ни копейки.

У Тань Юмина защемило сердце, когда он выслушал эту историю. Матери всегда остаются самыми мягкосердечными. Он похлопал Фан Сую по плечу:

— Я передам. Береги себя. Если что-то случится, можешь звонить мне.

Глаза Фан Сую наполнились слезами. Они уже давно стали посмешищем для всего острова, и только Тань Юмин не раз протягивал им руку помощи.

Се Чжэньлинь просидел у гроба до самой темноты. Затем Тань Юмин повез его домой.

Улицы в районе Чичунькань были узкими, а здания в стиле «тунлау» — старыми и обшарпанными. Шэнь Цзуннянь редко бывал в этих краях, и ему пришлось попетлять по навигатору, прежде чем он нашел квартиру, которую сейчас снимал Се Чжэньлинь.

Тань Юмин отдал ему карту. Взгляд Се Чжэньлиня замер, глаза блеснули от влаги.

У Тань Юмина была еще одна карта, которую он хотел ему отдать. Не дав Се Чжэньлиню отказаться, он сразу заявил:

— Считаю, что берешь в долг. Потом отдашь.

Се Чжэньлинь крепко сжал в руке обе карты и не стал отказываться.

— Иди домой, как следует отдохни. Если что-то понадобится — звони, — Тань Юмин подбодрил его и добавил со скрытым смыслом: — Как будет время, съезди к бабушке и дедушке по материнской линии. Побудь с ними.

Се Жуйго был безжалостен и несправедлив. Семья Цзэн не спустит ему это с рук.

Но даже честному судье трудно разобраться в семейных дрызгах. Большого Тань Юмин сказать не мог. То, что он устроил сегодня в траурном зале, и так было переходом всех границ.

Се Чжэньлинь всё понял. С застывшим, онемевшим лицом он вышел из машины и проводил их взглядом.

На обратном пути они проезжали по Центральному проспекту. Новогодние фонарики горели ярко и празднично. Контраст с сегодняшним черно-белым траурным залом был словно между льдом и пламенем.

Тань Юмин без сил откинулся на пассажирском сиденье. От его дневной властности и решимости, когда он заслонял собой Се Чжэньлиня, не осталось и следа.

Шэнь Цзуннянь немного приподнял стекло, которое тот опустил до самого конца. Морской ветер всё равно резал ясные глаза Тань Юмина. В раздражении он вытащил сигарету и зажал её в зубах, но так и не прикурил.

Шэнь Цзуннянь молча прибавил отопление. Спустя долгое время он услышал тихий голос Тань Юмина:

— Как думаешь... они еще смогут быть вместе?

Бескорневая небесная ветвь и неоперившийся одинокий птенец... Разделенные долгом перед родителями и смертью, смогут ли они любить друг друга так же искренне, горячо и беззаветно, как раньше?

Если да, то не вырастут ли из этой смертельной преграды невидимые шипы? А если нет, то чего тогда стоили все эти клятвы в вечной любви и готовность пойти против всего мира?

Шэнь Цзуннянь плотно сжал губы. Он не мог ответить на этот вопрос.

Впрочем, Тань Юмин и не ждал от него ответа. В нем говорили лишь растерянность и глубокая скорбь. Почему всё обернулось именно так? Кто во всём виноват?

На душе у Тань Юмина было тревожно. Ему вдруг безумно захотелось услышать голос собственной мамы. Он набрал домашний номер, но трубку взял Тань Чуншань:

— Маме нездоровится, она уже легла спать.

Только что пережив чужую трагедию и смерть, Тань Юмин воспринял эти слова особенно остро. Он тут же вытащил сигарету изо рта и напряженно спросил:

— Что случилось?

— Не волнуйся, просто немного переутомилась. Вы с Цзуннянем... — Слухи о сегодняшнем инциденте в траурном зале уже разлетелись по всему городу, но Тань Чуншань ничего не сказал по этому поводу, лишь добавил: — ...тоже возвращайтесь пораньше.

— Хорошо. До свидания, папа, — Тань Юмин скомкал сигарету в пальцах, произнеся это с особой теплотой.

Шэнь Цзуннянь крепче сжал руль.

Когда «Бентли» остановился на Цзошидэн-роуд, Тань Юмин уже спал. Дневной скандал, разлука, смерть, эмоциональные качели — всё это выжало из него все силы, хоть он и был лишь сторонним наблюдателем. Климат-контроль со стороны пассажира был выкручен на сорок градусов. Тань Юмин закинул руку на глаза. Его всегда сияющее лицо сейчас казалось потухшим и потерянным.

Шэнь Цзуннянь подождал немного, а затем окликнул его. Тань Юмин не проснулся. Шэнь Цзунняню пришлось выйти, открыть пассажирскую дверь и легонько потрясти его за плечо.

Тань Юмин открыл глаза. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Он чувствовал невероятную слабость. Усталость сковала его с ног до головы. Он просто навалился на спину Шэнь Цзунняня.

Тот ничего не сказал. Привычным движением он подхватил его на спину, захлопнул дверцу

машины и молча зашагал по знакомой ночной дороге.

Луна ранней весны светила ярко и чисто. Деревья стояли неподвижно. Шэнь Цзуннянь уже решил, что Тань Юмин снова уснул, как вдруг ему на затылок упал горячий, влажный выдох. Его руки на бедрах Тань Юмина резко сжались.

— Не обращайся.

Шэнь Цзуннянь крепко сжал его голени. Спустя долгое молчание он услышал, как Тань Юмин тихо произнес:

— Знаешь, деньги на то, чтобы А-Линь поехал за границу расписываться, на самом деле занял ему я.

Тань Юмин целый день играл роль зрелого и надежного старшего брата, достойного наследника и заботливого сына. И только сейчас, рядом с Шэнь Цзуннянем, он позволил себе на пятнадцать минут побыть слабым и уязвимым.

— Если бы тогда я не...

— Тань Юмин, — тут же перебил его Шэнь Цзуннянь, не давая ему увязнуть в слепом водовороте причин и следствий. — Тань Юмин, не смей так думать.

— Это не твоя вина.

Шэнь Цзуннянь знал, что тот всё прекрасно понимает. Просто Тань Юмин был слишком добрым и мягкосердечным. А сегодняшняя трагедия была слишком жестокой.

— Не вини себя. Не накручивай.

— И уж тем более не загоняй себя в угол.

— Ты сделал для них всё, что мог.

<http://bllate.org/book/17117/1607489>